

А.В. БАУЛО

Служил ИРАНСКИЙ ЦАРЬ В СИБИРИ...

БАУЛО Аркадий Викторович – доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Область научных интересов: традиционное мировоззрение и обрядовая практика народов севера Западной Сибири. Автор 5 монографий и более 70 статей

Ключевые слова: Сибирь, ханты, обряд, святилище, чаша, серебро, Сасаниды.

Key words: Siberia, Khanty, ceremony, sanctuary, bowl, silver, Sassanids

Несколько лет назад мы работали среди хантов в бассейне реки Сыня, левом притоке Малой Оби. Отсюда до ближайшего города Салехарда 300 километров. Исток Сыни – на восточных склонах Урала; сама река – один из наиболее известных маршрутов, по которым шли люди и торговые караваны из Европы на север Сибири.

В поселке Овгорт мне обещали показать мужской охотничий пояс, среди подвесок которого находилась средневековая серебряная фигурка птицы. Нынешний владелец пояса получил его в наследство от отца. Будучи оленеводом, он проводил основное время на пастбищах Северного Урала и в поселок приезжал редко. В новом просторном доме нас угостили чаем, шел неспешный разговор «за жизнь», постепенно перешли и к вопросу о заинтересовавшей меня вещи.

– А пояс-то дома или на Урале остался?

– Дома, дома, с собой вожу всегда. Как не возить – отцовская вещь... Вместе со святыми вещами и вожу. Со мной положено им быть. Там вот дух наш, Курпат-ики, помогает от болезней, покрывало священное на оленя, платки, шкурки лисьи. В мешке и вожу, как отец положил, так и лежат там. Пять лет уже, как он умер. Там тарелка еще лежит старинная...

При этих словах и чай не в чай, но торопиться нельзя. И поглядеть страсть как хочется, и боишься, что не покажут. Вещи священные, постороннему человеку показывать их нельзя.

Вечерний чай в чуме оленеводов. Пос. Хорьер, р. Сыня

Древние серебряные и бронзовые подвески – обереги от злых сил на охотничьих поясах хантов

– А мешок-то где?
 – Да в сенках лежит, там полка для него сделана.
 И опять чай пьем, про оленей разговариваем, но голова уже только об одном думает – о тарелке.
 Наконец выпит чай, поднимаемся, выходим в сени. Правая часть сеней отгорожена, женщины сюда не заходят. У задней стены видна широкая полка, на которой лежит семейная культовая атрибутика. Посредине полки усажена большая фигура в черных одеждах – это и есть Курпат-ики, близкий по своим функциям русскому домовому. Справа от него лежит холщовый мешок.
 Хозяин неторопливо (кажется, убийственно медленно) вынимает из мешка фигуру женского духа-покровителя (это бог матери хозяина дома), затем жертвенное покрывало с изображениями семи фигур всадников и наконец ритуальный пояс с фигурами семи птиц... Все, мешок кажется пустым, сплошное разочарование; но еще один нырок внутрь, на самую глубину, и вот появляется какой-то плоский сверток, видно, что он тяжелый, последовательно разворачиваются семь платков, из них сыпятся сушки, конфеты, падают на пол монеты... Блюдо – большое темное, в загородке мало света – слабая лампочка, беру его в руки, уже по весу понятно, что серебро – тяжелое. И всадник, скачущий на каком-то странном быке...

На дворе двадцать первый век, унылый поселок, стандартные двухквартирные дома, покосившееся здание клуба, резиновые сапоги и картонные коробки в углу сеней... А тут – всадник, мрачный царь, в короне и апезаке, древняя позолота, со следами раскисшего печенья. Кто-то из иранских шахов, Сасанидов, могучей державы, громившей войска Римской империи...

А вот и пояс с фигуркой птицы, она действительно серебряная и средневековая, но сейчас уже не до нее...

Блюдо, а вернее чашу, из которой иранские вельможи пили вино, нашли давно, по рассказам, получается, что где-то во второй половине XIX в. Прапрабабушка нынешнего владельца серебряного сосуда ехали с мужем на лодке из одного поселка в другой. В середине пути сделали остановку и вышли на берег, женщина заметила, что в траве что-то блеснуло. Подрыли землю и наткнулись на большой клад: в медный котел были уложены блюдо, а также литые серебряные и бронзовые фигурки животных. Поскольку всякая найденная необычная вещь у обских угров считается «посланной свыше», новые хозяева поместили находки в состав семейных ритуальных атрибутов. В частности, блюдо стало переходить по наследству – от отца к младшему сыну, причем сын при жизни родителя блюда видеть не мог. Не могут его видеть сегодня и старшие братья владельца сосуда. Причина нахождения древних атрибутов в сенях объясняется тем, что локальная

Сынские ханты до сих пор сохраняют традиционную одежду и обувь. Пос. Овгорт, р. Сыня

**СЕРЕБРЯНОЕ САСАНИДСКОЕ БЛЮДО
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ШАХА ЕЗДИГЕРДА I. РУБЕЖ IV—V ВВ.**

На обратной стороне блюда процарапана надпись *jâ-m- i fizzah* «чаша из серебра». Она выполнена арабскими буквами IX—X вв. на новоперсидском языке одним из поздних владельцев сосуда.

«О том, что сасанидские «блюда» были чашами для вина не раз писал И. Орбели, а затем многие после него. Слово «джам» значит именно «чаша», но «блюдо» – это традиционное в музейной среде наименование сасанидской плоской чаши. Отсутствие сплошной позолоты можно объяснить тем, что на Среднем Востоке блюдо веками использовали и регулярно чистили после того, как оно покинуло сасанидскую царскую сокровищницу. О сасанидском блюде в багдадском кабаке писал в IX в. арабский поэт Абу Нувас. Кажется ли блюдо темным? М. б., когда-то оно так потемнело, что некто решил письменно подтвердить, из чего оно сделано. Впрочем надписи типа «се лев, а не собака» на клетке льва были популярны издавна: на согдийских росписях IX—X вв. встречаются надписи: «нога» на ноге в живописи, «птица» на птице и т.д.» (из письма профессора Б. И. Маршака автору находки)

Фрагменты серебряного сасанидского блюда с изображением шаха Ездигерда I. Рубеж IV—V вв.

традиция запрещает хранить вещь внутри жилого пространства, если она была найдена в составе клада, то есть «вне дома».

Ездигерд I, «грешник»...

Диаметр блюда 22,2 см, высота – 4,8 см, вес – 864 г. На скачущем в «летающем галопе» зебувидном быке сидит царь. Левой рукой он держится за рог быка, при этом копьём в правой руке поражает другого зебувидного быка, изображенного в нижней части блюда.

В короне видны три зубца, полумесяц и рельефный шар (по мнению ряда исследователей, дольчатая форма шара могла создавать впечатление бутона цветка). Верхнее одеяние выполнено из тонкой складчатой ткани, на груди – апезак с круглым медальоном, пояс с двойной пряжкой, шаровары образуют множество

складок и у щиколотки перехвачены двумя бляшками и лентой. За спиной царя видна рукоять меча с прямой перекладиной, с португеи свисает колчан. Нижний бык показан в предсмертной агонии, голова безжизненно опущена вниз.

В правой верхней части блюда – фигура крылатого обнаженного юноши, «гения», подносящего царю ленту. В нижней части – четыре холма и куст с тремя листьями.

Высокий рельеф основных деталей изображенных фигур подчеркнут применением накладных пластин.

На блюде видны следы более поздних гравировок, выполненных уже на Урале или в Сибири: над рукоятью меча вырезана длинная фигура птицы, перед «гением» изображена пара оленей.

На обратной стороне блюда арабскими буквами процарапана надпись: «чаша из серебра». Она выполнена

Серебряное блюдо с изображением шаха Ездигерда I, убивающего оленя.
 The Metropolitan Museum of Art.
 По: (Harper P. O., Meyers P. Silver Vessels of the Sasanian Period. – N.Y.: The Metropolitan Museum of Art and Princeton University Press. – 1981. – Vol. 1.)

курсивом IX–X вв., видимо, на новоперсидском языке одним из поздних среднеазиатских или иранских владельцев сосуда. Таким образом, блюдо могло оказаться в Сибири не ранее IX в.

Кто же этот таинственный царь? Сасанидских шахов исследователи различают прежде всего по коронам. Перед нами, скорее всего, шах Ирана Ездигерд I (399–421 гг.). Он царствовал в нелегкое для государства время, когда разгорелась борьба между центральной властью и крупными землевладельцами. В поисках союзников шах решил опереться на христиан. Они получили право строить церкви, свободно передвигаться по стране и проводить богослужения. Царь стремился к мирным отношениям с Византией и видел в иранских христианах связующее звено между двумя государствами. В итоге христианские авторы прославили Ездигерда как справедливого царя, тогда как в официальной сасанидской традиции он получил прозвище «грешник». Только к концу царствования Ездигерд изменил отношение к христианам и предпринял против них ряд репрессий.

Смерть шаха во время посещения им северо-восточной провинции окутана тайной: согласно легенде,

из источника вышел необыкновенной красоты конь, который никого к себе не подпускал. Приблизившегося к нему царя конь сразил насмерть ударом копыта в грудь. Существует предположение о том, что легенда была создана знатью, чтобы скрыть совершенное ей убийство царя.

Интересно, что это всего лишь второе известное блюдо с изображением Ездигерда I; первое блюдо с шахом, убивающим оленя, хранится в Метрополитен-музее (США). А всего в музеях мира больших сасанидских серебряных блюд насчитывается не более трех с половиной десятков, крупнейшая коллекция – в Государственном Эрмитаже. Подобные блюда трактуются как коронационные, считается что их отливали при восхождении очередного правителя на трон. В этом случае блюдо можно датировать концом IV – началом V вв. Это первое сасанидское блюдо, обнаруженное в Западной Сибири.

Несколько слов о том, какой смысл мог вложить заказчик в сюжет, изображенный на блюде. Во-первых, речь может идти о простом охотничьем сюжете: демонстрируется удаль царя, вскочившего на спину одного быка, чтобы нанести удар другому. Возможно, перед

Сынские ханты – охотники, рыбаки – сегодня чаще проживают в поселках; по Приполярному Уралу кочуют только оленеводы. Пос. Ямгорт, р. Сыня

нами не столько охота, сколько битва царя против двух быков, в подражание римским цирковым поединкам.

Во-вторых, в сюжете блюда можно увидеть тему зороастрийской символики, когда царская охота олицетворяет высокие божественные достоинства царя царей. Охота царя на животное была способом приобретения неких качеств последнего. Зримое воплощение божества нужно было «добыть», схватить. Как известно, зебувидный бык был ипостасью «первозданного быка», зороастрийского божества. Возможно, что царь на сынском блюде сражается за обладание качествами этого мифологического персонажа.

В-третьих, можно предположить, что заказчиком блюда выступал сам шах. Показывая себя в борьбе со зверями, он сближал свой образ с изображением бога (например, в сцене убийства Митрой первородного быка) – борца за светлое и доброе начало против мрака и зла.

Ну и наконец, сцена на блюде может являться иллюстрацией календарного обряда. По мнению Б.И. Маршака, охота на празднично украшенного быка, возможно, относится к Новрузу – иранскому празднику, который при Ездигерде I отмечался осенью (в современном

мусульманском мире Новруз празднуют в день весеннего равноденствия, 21 марта). Календарным символом Новруза был лев, побеждающий быка. При этом известно, что в Иране в III в. изображения всадника (Митры) и льва в композиционном плане считались равнозначными.

Камлание в «темной юрте»

Блюда, поступавшие на север Сибири в конце I – начале II тыс. н.э., ввиду их высокой ценности, скорее всего, попадали в распоряжение родовой общины, а не отдельной семьи. Использовать в обрядах и приносить с их помощью молитвы могли в этом случае только общинные жрецы на поселковом святилище.

Владельцем сасанидского блюда еще не так давно являлся известный на Сыне шаман, и оно было закрыто для посторонних. Тем не менее известно, что в определенные годы шаманы трех поселков – Лорагорта, Оволингорта и Вытвожгорта – собирались на святилище, расположенном недалеко от последнего селения. В течение недели по ночам совершалось камлание в «темной юрте». Центром лагеря был высокий кедр,

Обряд жертвоприношения:
угощение богов пищей
у священного амбарчика.
Пос. Вытвожорт, р. Сыня

Священная полка в доме,
на которой хранятся изображения
семейных духов-покровителей
и культовая атрибутика.
Пос. Овгорт, р. Сыня

на стволе которого вырублена личина мифического богатыря-предка. В жертву ему приносили до 49 оленей. Хранителем этого места и был владеец сасанидского блюда. Можно предполагать, что блюдо использовали как при камлании в «темной юрте», так и при жертвоприношении перед личиной богатыря. Во время ритуальной церемонии чаша служила посудой, в которую клали жертвенные хлеб, печенье и конфеты.

Оказавшись в Сибири, как уже упоминалось, не ранее IX в., блюдо попало в сферу религиозно-обрядовой практики обских угров, которая к тому времени уже могла включать представления о Небесном всаднике Мир-сусне-хуме – младшем сыне верховного бога Нуми-торума. Скорее всего, в фигуре иранского шаха был опознан именно Мир-сусне-хум как летящий всадник (бык летит над горами и деревьями – Мир-сусне-хум облетает день и ночь грешную землю, рядом с ним жрецы изобраили летящую птицу). Можно указать еще на одну параллель, на этот раз – между сюжетом на блюде и мансийским обрядом. На сасанидских блюдах в сценах охоты царь чаще всего изображен с двумя животными. Некоторые исследователи полагают, что на самом деле подразумевается одно животное, но на двух стадиях охоты – живое и убитое. У северных манси Мир-сусне-хуму приносят в жертву белого коня, при этом считается, что божество незримо присутствует на церемонии. Манси полагают, что в тот момент, когда животное в предсмертных судорогах падает на землю, Мир-сусне-хум на этом жертвенном коне возносится на небо. В определенном смысле сцену, представленную на блюде, и мансийский обряд жертвоприношения объединяет одна и та же схема: бык (конь) убит, бог на быке (коне) возносится на небо.

Одно из священных мест сынских хантов
с изображением личины божества
на растущем дереве

Мы покидаем поселок, зимой олений караван увезет старинную чашу на Полярный Урал. Выпадет ли случай увидеть ее еще раз – одному хантыйскому богу известно, даже если запечатлен он в образе иранского царя...

Литература:

Бауло А. В. Сасанидское серебряное блюдо с реки Сыня // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2002. № 1. С. 142–148.

Луконин В. Г. *Искусство древнего Ирана*. М.: Искусство, 1977. 232 с.

Тревер К. В., Луконин В. Г. *Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII вв.* М.: Искусство, 1987. 157 с., 124 илл.

Harper P. O., Meyers P. *Silver Vessels of the Sasanian Period*. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art and Princeton University Press. 1981. V. 1. 256 p.

В публикации использованы фотографии автора

